Искусственный интеллект как драйвер региональной глобализации СНГ в условиях полицентризма

Глебова Анна Геннадьевна

Доктор экономических наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: nauka_rf@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

искусственный интеллект, СНГ, региональная глобализация, полицентризм, цифровой суверенитет, экономическая интеграция, технологическая инфраструктура

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – определить механизмы влияния искусственного интеллекта (ИИ) на региональные глобализационные процессы СНГ и обосновать потенциал отдельных стран региона как флагманов формирования макрорегионального ИИ-контура. Исследование исходит из гипотезы, что ИИ способен усиливать экономическую субъектность Содружества не сам по себе, а при наличии энергетической, вычислительной, транспортно-логистической, кадровой и нормативной базы. Эмпирическую основу составляют данные МВФ, ЮНКТАД, ВТО, Всемирного банка, Международного союза электросвязи, Международного энергетического агентства, Индекса готовности правительств к использованию искусственного интеллекта 2024 года, а также официальные стратегии, концепции и нормативные документы стран региона. Методологическая база включает сравнительный, системный и институциональный анализ, аналитическую группировку стран и сопоставление количественных и качественных показателей ИИ-готовности. Показано, что влияние ИИ на региональную глобализацию реализуется через рост производительности, снижение трансакционных и торговых издержек, развитие цифровых услуг, изменение структуры добавленной стоимости и формирование новых инфраструктурных зависимостей, прежде всего в сфере данных, вычислений и энергоснабжения. Выделены приоритетные направления внедрения ИИ в СНГ: государственное управление, транспорт и логистика, промышленность, агропромышленный комплекс, здравоохранение, образование и энергетика. Предложена трехуровневая классификация стран СНГ по потенциалу ИИ-лидерства: системные флагманы – Россия, Казахстан и Узбекистан; специализированные флагманы – Армения, Азербайджан и Беларусь; перспективные участники – Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан. Сделан вывод, что формирование суверенного макрорегионального ИИ-контура возможно не через разрозненные национальные проекты, а через совместимую инфраструктуру данных, вычислений, кадрового обеспечения и регулирования.

JEL codes: F02, F15, O33, O57

DOI: https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-8-126-139

Финансирование: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Глебова, А.Г. Искусственный интеллект как драйвер региональной глобализации СНГ в условиях полицентризма / А.Г. Глебова. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2026. – № 8. – С.126-139. - URL: http://www.theoreticaleconomy.ru (Дата публикации: 30.08.2026)

Введение

Цифровая трансформация мировой экономики изменила содержание региональной глобализации. Если ранее она преимущественно описывалась через торговлю товарами, инвестиции и транспортные коридоры, то в последнее десятилетие все большее значение приобретают совместимость цифровых платформ, скорость обмена данными, трансграничные сервисы, таможенная аналитика, вычислительные мощности и правила обращения с алгоритмическими

© Глебова А.Г., 2026

системами. В этом контексте искусственный интеллект выступает не отдельной отраслевой технологией, а технологией общего назначения, влияющей на производительность, структуру добавленной стоимости и институциональную связанность государств.

Анализ искусственного интеллекта как фактора региональной глобализации требует синтеза трех исследовательских направлений: теории полицентризма, исследований региональной экономической интеграции и анализа влияния ИИ на производительность, торговлю и структуру добавленной стоимости. Каждая из этих линий достаточно разработана самостоятельно, однако их синтез применительно к СНГ как макрорегиону пока остается фрагментарным.

Теоретической основой исследования выступают работы В. В. Перской, в которых полицентризм рассматривается как новая конфигурация мировой экономики, меняющая логику экономической глобализации, роль региональных центров, национальных стратегий развития и региональных торговых соглашений [4-6]. Методологически важным для настоящего исследования является также подход Е. В. Сапир и А. Д. Васильченко, рассматривающих эффекты региональной интеграции через систему измеримых экономических последствий – создание и отклонение торговли, эффекты масштаба, мобильности капитала и рабочей силы, компенсации и промежуточной торговли; такая логика позволяет анализировать ИИ не изолированно, а как фактор, способный трансформировать традиционные каналы интеграционного эффекта в региональной экономике [8]. Наконец, вопросы инновационной трансформации промышленности на основе цифровых технологий позволяют рассматривать ИИ не только как инструмент сервисной экономики, но и как фактор модернизации производственной базы и повышения технологической самостоятельности [22].

Отдельную группу составляют исследования региональной интеграции на евразийском пространстве. Эмпирическая работа E. Pomerlyan и M. Belitski по Евразийскому экономическому союзу показывает, что региональная интеграция может оказывать положительное влияние на торговые потоки, но ее макроэкономические результаты зависят от глубины институциональной координации и от того, ограничивается ли интеграция режимом свободной торговли или переходит к более сложным формам экономического взаимодействия [20]. Данный вывод позволяет уточнить логику анализа: ИИ может усиливать интеграционные эффекты только в том случае, если применяется не изолированно на уровне отдельных национальных проектов, а как элемент общей цифровой, логистической и производственной архитектуры региона.

В российской литературе цифровая трансформация стран СНГ, ЕАЭС и ШОС рассматривается прежде всего через развитие электронной коммерции, платформенных моделей, цифровых сервисов и трансграничных каналов взаимодействия. И. В. Медведев показывает, что цифровая трансформация меняет характер торговли и взаимодействия между странами СНГ-ЕАЭС-ШОС, усиливая значение электронных платформ, цифровых каналов продаж и новых форм экономической коммуникации [3]. Однако в подобных исследованиях искусственный интеллект чаще выступает как один из элементов цифровизации, а не как самостоятельный фактор региональной глобализации. Это оставляет открытым вопрос о том, каким образом ИИ способен менять не только формы торговли, но и саму структуру региональной экономической связанности.

Смежный блок исследований посвящен технологическому лидерству и технологическому суверенитету. А. В. Райхлина рассматривает технологическое лидерство как результат целенаправленной научно-технологической политики, формирования новых рынков и институциональной настройки регионального развития в цифровой экономике [7]. В. П. Вишневский и А. В. Гурнак анализируют технологический суверенитет в условиях геоэкономической фрагментации и подчеркивают значение налоговых и институциональных инструментов поддержки критических технологий, суверенитета данных и технологических альянсов с дружественными странами [1]. Эти подходы позволяют рассматривать ИИ не только как технологию повышения эффективности, но и как инструмент укрепления экономической самостоятельности макрорегиона.

Отдельного внимания заслуживает институциональный подход к цифровой экономике. F.

Campos-Medina, E. Korneeva, R. Krayneva и L. Gorina показывают, что развитие цифровых экосистем зависит не только от наличия технологий, но и от качества институтов, нормативной среды, управления, инфраструктурных инвестиций и инновационного потенциала предприятий [12]. В контексте СНГ этот вывод особенно важен: даже при наличии отдельных ИИ-решений устойчивый региональный эффект невозможен без согласованных институтов, стандартов обмена данными, межгосударственных цифровых интерфейсов и доверенной инфраструктуры.

Особое значение имеют исследования санкционного давления как фактора перестройки внешнеэкономических связей. А. Г. Глебова и Г. И. Табачинский рассматривают эволюцию санкционной политики и ее последствия для Российской Федерации в системе мирохозяйственных отношений [2]. Санкционная фрагментация усиливает потребность в альтернативных технологических контурах, развитии собственных цифровых платформ, платежных, логистических и производственных решений. В таких условиях ИИ становится не только фактором эффективности, но и элементом адаптации макрорегиона к ограниченному доступу к внешним технологиям и рынкам.

В зарубежной литературе экономические эффекты ИИ рассматриваются преимущественно через производительность, рынок труда, цифровые платформы и международную торговлю. Д. Аджемоглу в работе о макроэкономике ИИ предостерегает от чрезмерно оптимистичных оценок, показывая, что макроэкономический эффект ИИ зависит от того, какая доля задач реально поддается автоматизации, какова экономия издержек и насколько быстро новые технологии распространяются в экономике [9]. Такой подход позволяет избежать технологического детерминизма: ИИ не может автоматически рассматриваться как безусловный источник роста ВВП; его влияние зависит от вычислительной, энергетической, кадровой и институциональной базы.

Эмпирические исследования последних лет уточняют механизмы влияния ИИ на производительность труда. E. Brynjolfsson, D. Li и L. Raymond на материале службы клиентской поддержки показывают, что генеративный ИИ способен повышать производительность работников и особенно заметно помогает менее опытным сотрудникам [11]. S. Noy и W. Zhang экспериментально подтверждают влияние генеративного ИИ на выполнение профессиональных письменных задач [19]. K. Cui и соавторы, анализируя полевые эксперименты с разработчиками программного обеспечения, показывают, что генеративный ИИ влияет уже не только на рутинный труд, но и на высококвалифицированную инженерную деятельность [13]. Для анализа СНГ эти выводы важны потому, что они раскрывают прикладные каналы влияния ИИ на экономику: ускорение работы специалистов, снижение издержек обучения, тиражирование компетенций и повышение эффективности интеллектуального труда.

Вызывает интерес вопрос о связи ИИ с международной торговлей и глобализацией. A. Goldfarb и D. Trefler рассматривают ИИ как технологию общего назначения, способную изменять международную торговлю через масштабы данных, регулирование, стандарты, приватность, диффузию знаний и перераспределение сравнительных преимуществ [16]. E. Jones показывает, что цифровизация и ИИ уже становятся предметом международной торговой политики, поскольку правила трансграничного движения данных, защиты алгоритмов, стандартов и конкуренции напрямую влияют на возможности стран использовать ИИ [18]. В свою очередь, исследование машинного перевода на цифровой платформе демонстрирует, что ИИ способен снижать языковые и информационные барьеры международной торговли [10]. Эти работы позволяют трактовать ИИ как фактор не только внутренней производительности, но и трансформации механизмов глобализации.

Анализ научных источников показывает, что экономические эффекты ИИ уже получили достаточно широкое освещение в отечественной и зарубежной литературе, однако, на наш взгляд, пока недостаточно разработан вопрос о том, как ИИ может выступать драйвером региональной глобализации СНГ в условиях полицентризма. Слабо изучены механизмы перехода от разрозненных национальных ИИ-стратегий к совместимому макрорегиональному ИИ-контуру; недостаточно

обоснована классификация стран СНГ по потенциалу ИИ-лидерства; не раскрыта в полной мере связь между энергетической, вычислительной, транспортно-логистической, кадровой и нормативной базой и возможностью формирования СНГ как суверенного экономического центра.

По оценкам МВФ, воздействию ИИ потенциально подвержены около 60% рабочих мест в развитых экономиках, 40% – в странах с формирующимися рынками и 26% – в низкодоходных странах; возможный вклад ИИ в прирост мировой производительности оценивается в диапазоне 0,1–0,8% в год в течение десятилетия [23]. ЮНКТАД показывает, что рынок передовых технологий может увеличиться с 2,5 трлн долл. США в 2023 г. до 16,4 трлн долл. к 2033 г.; рынок ИИ при этом может достичь около 4,8 трлн долл. и стать крупнейшим сегментом передовых технологий [21]. Эти оценки не доказывают автоматического роста ВВП за счет ИИ, но фиксируют масштаб технологического перераспределения будущей добавленной стоимости.

Для стран СНГ проблема имеет двойственный характер. С одной стороны, регион располагает ресурсной, энергетической и промышленной базой, необходимой для цифровой модернизации. С другой – его развитие асимметрично. По данным Статистического комитета СНГ, в 2025 г. ВВП стран Содружества вырос примерно на 2%, промышленное производство – на 1,9%, сельское хозяйство – на 4,7%, инвестиции в основной капитал – примерно на 3,0%; при этом темпы роста ВВП варьировались от 1,0% в России до 11,1% в Кыргызстане . По данным Всемирного банка за 2024 г., крупнейшими экономиками среди стран СНГ были Россия, Казахстан и Узбекистан; именно они формируют основную макроэкономическую базу возможной ИИ-трансформации региона .

Цель исследования – определить механизмы влияния ИИ на региональные глобализационные процессы СНГ и обосновать, какие страны способны выступить флагманами формирования макрорегионального ИИ-контура. Научная новизна состоит в разработке авторской трехуровневой классификации стран СНГ по потенциалу ИИ-лидерства и в уточнении тезиса об ИИ как технологическом, но не самодостаточном, драйвере региональной экономической субъектности.

Методы исследования

В исследовании использованы международные и официальные источники за 2023-2026 гг.: доклад МВФ «World Economic Outlook», доклад ЮНКТАД «Technology and Innovation Report 2025», доклад ВТО «World Trade Report 2025», доклад Всемирного банка «Digital Progress and Trends Report 2025», доклад Международного энергетического агентства (ITU) «Energy and AI», Индекс готовности правительств к использованию искусственного интеллекта 2024 года (Government AI Readiness Index 2024), отчет Международного союза электросвязи по цифровому развитию СНГ, база данных Всемирного банка, документы Статистического комитета СНГ и национальные стратегии России, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Беларуси, Армении и Таджикистана.

Состав анализируемой группы стран СНГ определен по классификации ITU: СНГ включает Армению, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Российскую Федерацию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан [21]. Украина и Молдова не включены в классификационную часть исследования, поскольку в данной статистической группе ITU 2025 они отсутствуют.

Методика выявления флагманов построена как многокритериальный алгоритм. На первом этапе сопоставлялась институциональная готовность государства к ИИ по Government AI Readiness Index 2024, включая интегральный балл и компоненты «Правительство», «Технологический сектор», «Данные и инфраструктура» [17]. На втором этапе оценивался экономический масштаб по данным Всемирного банка. На третьем этапе анализировались цифровая связанность, вычислительная база и инфраструктурные проекты, поскольку Всемирный банк выделяет четыре основания ИИ-готовности: цифровая связанность (доступ населения, бизнеса и государства к надежному интернету, сетям связи и цифровым сервисам); вычислительные мощности (наличие дата-центров, облачной инфраструктуры, серверов и суперкомпьютеров, необходимых для обучения и применения ИИ-моделей); контекст (наличие релевантных локальных данных, языковой, отраслевой и институциональной среды для применения ИИ) и компетенции (кадровые и институциональные

способности создавать, внедрять и регулировать ИИ) [14]. На четвертом этапе проверялись национальные стратегии, концепции, дорожные карты, eGov-платформы («Электронное Правительство»), кадровые программы и отраслевые ИИ-проекты. Итоговое распределение стран формировалось не механическим суммированием баллов, а экспертно-аналитическим сопоставлением пяти критериев: ИИ-готовности, экономического масштаба, цифровой и вычислительной базы, формализованности государственной ИИ-политики и интеграционной функции страны.

Полученные результаты

Анализ источников показывает, что влияние ИИ на региональную глобализацию реализуется по нескольким каналам. Первый – рост производительности труда и капитала. Помимо макрооценок МВФ, это подтверждается полевыми исследованиями. В работе NBER Generative AI at Work на данных 5179 сотрудников службы клиентской поддержки доступ к ИИ-ассистенту повысил производительность в среднем на 14%, а у менее опытных работников – на 34% [11]. В исследовании The Effects of Generative AI on High-Skilled Work по трем полевым экспериментам с 4867 разработчиками использование ИИ-инструмента увеличило число завершенных задач на 26,08% [13]. Следовательно, ИИ затрагивает не только рутинный сервисный труд, но и высококвалифицированную инженерную деятельность.

Второй канал – снижение трансакционных и торговых издержек. ВТО указывает, что ИИ воздействует на торговлю через рост производительности и сокращение издержек, включая оптимизацию логистики, таможенного оформления, пограничного контроля и соблюдения регуляторных требований [24]. Согласно моделированию ВТО, при разных сценариях распространения ИИ мировая торговля товарами и услугами к 2040 г. может увеличиться на 34–37%, а торговля цифровыми услугами – до 42%. Для СНГ это означает, что интеграция не может ограничиваться сырьем и транзитом; требуется развитие цифровых сервисов, данных, инженерных решений и платформенной координации.

Третий канал – изменение структуры ВВП. ИИ повышает значение нематериальных активов, программного обеспечения, цифровых услуг, аналитики, цифровых двойников и предиктивного обслуживания. Четвертый канал – риск нового технологического неравенства. Всемирный банк подчеркивает, что развивающиеся страны сталкиваются с разрывом в доступе к вычислительной инфраструктуре (compute divide), то есть с ограниченными возможностями использовать дата-центры, облачные платформы, серверные мощности и суперкомпьютеры, необходимые для обучения, настройки и масштабного применения моделей искусственного интеллекта [14]. Поэтому ИИ может как ускорять догоняющее развитие, так и закреплять периферийность, если страны не имеют совместной инфраструктуры, данных и кадров.

Секторальный анализ позволяет выделить семь сфер с наибольшим потенциалом для СНГ: государственное управление и таможенно-налоговое администрирование, транспорт и логистику, промышленность и строительство, сельское хозяйство, здравоохранение, образование и энергетику. Эти сферы одновременно создают мультипликативный эффект, усиливают региональную связанность и уже имеют официальные стратегии или пилотные проекты.

В государственном управлении наиболее показательны Казахстан и Узбекистан. Казахстан развивает eGov 3.0; более 90% государственных услуг доступны онлайн, а контакт-центр 1414 использует ИИ-ассистента для части обращений . Узбекистан в стратегии ИИ до 2030 г. поставил цели довести объем ИИ-продуктов и услуг до 1,5 млрд долл. США, долю ИИ-услуг на портале госуслуг – до 10%, а также развивать лаборатории и высокопроизводительные вычисления .

В транспорте и логистике официальный пример дает Казахстан: на железной дороге внедряются цифровой двойник магистральной сети, ИИ для планирования перевозок, видеораспознавание вагонов и GPS-трекинг; ожидаемое сокращение операционных шагов – 45% .

В промышленности и строительстве системное значение имеет Россия: федеральный проект

«Искусственный интеллект» включен в национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», а в 2026 г. утверждена дорожная карта по высокопроизводительным вычислениям, алгоритмам ИИ и суперкомпьютерной инфраструктуре . Беларусь демонстрирует промышленно-инженерный потенциал: в материалах Минэкономики указывается ориентир, согласно которому к 2030 г. не менее 70% организаций должны использовать технологии шестого технологического уклада, включая ИИ, большие данные и цифровые двойники .

В АПК искусственный интеллект значим для продовольственной устойчивости, мониторинга урожайности, управления водой, страхования, кредитования и борьбы с вредителями; Всемирный банк рассматривает ИИ вдоль всей агропродовольственной цепочки . На пространстве СНГ наиболее показательный прикладной задел имеет Казахстан: отмечается активное применение в АПК Казахстана пространственного мониторинга, блокчейна и ИИ; соответствующие меры трансформации агропромышленного комплекса были представлены на уровне Правительства Республики Казахстан .

В здравоохранении Казахстан внедряет систему Cerebra для диагностики инсульта; по данным Минздрава РК, решение применялось в 9 инсультных центрах, увеличив применение тромболитической терапии на 40%, с планом масштабирования до 33 центров . Узбекистан включает здравоохранение в приоритеты стратегии ИИ, включая диагностику, анализ медицинских снимков и управление данными пациентов .

В сфере образования и подготовки кадров наибольший потенциал демонстрируют Казахстан и Узбекистан: Казахстан развивает программу AI-Sana с отбором 100 тыс. участников , а Узбекистан в нормативных документах предусматривает создание ИИ-лабораторий и включение тем по искусственному интеллекту в образовательные программы; это показывает, что страны переходят от точечного внедрения ИИ к формированию массовой кадровой базы для цифровой трансформации .

В энергетике ИИ имеет двойной статус: он зависит от электроэнергии и одновременно повышает эффективность энергосистем. МЭА оценивает, что потребление электроэнергии дата-центрами может вырасти примерно до 945 ТВт ч к 2030 г.; следовательно, энергетическая база становится условием ИИ-суверенитета [15].

Для выявления стран-флагманов формирования макрорегионального ИИ-контура СНГ использован авторский многокритериальный алгоритм, основанный на сопоставлении количественных и качественных показателей. В качестве количественной базы применялись:

1. Government AI Readiness Index 2024 Oxford Insights, включая интегральный балл и компоненты «Государственное управление», «Технологический сектор», «Данные и инфраструктура» (табл. 1).

Таблица 1 – Government AI Readiness Index 2024 – страны СНГ

Страна СНГ	Рейтинг (из 188)	Общий балл	Правительство	Тех. сектор	Данные и инфрастр-ра
Россия	47	64,72	72,15	50,11	76,62
Узбекистан	64	53,45	74,04	34,60	53,35
Казахстан	68	51,41	62,48	38,29	55,33
Армения	82	44,51	52,07	35,99	46,53
Азербайджан	90	39,92	47,35	29,81	44,55
Беларусь	93	39,24	55,72	25,86	38,20
Таджикистан	117	36,72	46,62	23,00	42,70
Кыргызстан	122	36,55	49,47	22,75	39,07
Туркменистан	138	32,64	35,10	21,43	43,32

Страна СНГ	Рейтинг (из 188)	Общий балл	Правительство	Тех. сектор	Данные и инфрастр-ра
Среднемировой уровень	–	47,59	–	–	–

Источник: составлено автором.

Критерий распределения по уровням: к группе стран-флагманов можно отнести страны с показателем выше среднемирового – Россия, Узбекистан и Казахстан. Однако, для построения стратегии развития региональных глобализационных процессов с использованием ИИ целесообразно страны СНГ, не вошедшие в первую группу, разделить еще на две подгруппы (табл. 2).

Таблица 2 – Критерии распределения стран СНГ по уровням готовности правительств к использованию ИИ

Уровень	Критерий по Government AI Readi-ness Index 2024	Интерпретация	Страны СНГ
Первый уровень	Итоговый балл выше 50	Страна имеет относительно высокую институциональную готовность к внедрению ИИ	Россия, Узбекистан, Казахстан
Второй уровень	Итоговый балл 39-50	Страна имеет отдельные предпосылки, но пока не является полноценным системным лидером	Армения, Азербайджан, Беларусь
Третий уровень	Итоговый балл ниже 39 или недостаточная сопоставимая база	Страна имеет ограниченную готовность или слабую доказательную базу для лидерства	Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан

Источник: составлено автором.

Выделение трех флагманов – России, Казахстана и Узбекистана – является необходимым, но недостаточным для анализа потенциала ИИ-интеграции СНГ. Остальные страны Содружества также не образуют однородной группы: часть из них обладает специализированными технологическими, энергетическими, промышленными или инновационными преимуществами, тогда как другая часть пока имеет более ограниченную институциональную, инфраструктурную и доказательную базу для самостоятельного ИИ-лидерства. Поэтому двухчленное деление на «флагманов» и «прочих участников» методологически упрощает реальную структуру региона. Более корректной является трехуровневая модель, позволяющая выделить системных флагманов, специализированных флагманов второго уровня и перспективных участников, нуждающихся в механизмах интеграционного технологического подтягивания. Такая классификация не только точнее описывает неоднородность СНГ, но и позволяет сформулировать разные инструменты политики для разных групп стран.

2. Оценка экономического масштаба страны – проверка способности страны финансировать крупные ИИ-проекты: дата-центры, суперкомпьютеры, облачную инфраструктуру, подготовку кадров, госпрограммы и отраслевые внедрения. Для этого используется показатель ВВП от Всемирного банка (табл. 3).

Этот критерий подтверждает выделение России, Казахстана и Узбекистана в качестве стран-флагманов. Россия обладает несопоставимо большей экономической базой, Казахстан – второй по масштабу экономикой среди рассматриваемых стран, Узбекистан – крупным демографическим и быстрорастущим рынком.

Таблица 3 – Критерии экономического масштаба стран СНГ

Уровень	Критерий экономического масштаба	Интерпретация
Первый уровень	Крупнейшие экономики региона или экономика свыше 100 млрд долл. США ВВП	Есть ресурсная база для масштабирования ИИ на национальном и региональном уровне
Второй уровень	Экономика примерно 25–100 млрд долл. США ВВП	Возможна нишевая специализация, но ограничена способность тянуть всю региональную повестку
Третий уровень	Экономика менее 25 млрд долл. США или недостаточная публичная статистическая база	Ограниченная способность самостоятельно финансировать масштабную ИИ-инфраструктуру

Источник: составлено автором.

3. Оценка цифровой связанности, то есть способности населения, бизнеса и государства включаться в ИИ-сервисы. Для этого используются материалы ITU и показатели доступа к Интернету, мобильным сетям, цифровой инфраструктуре и регуляторной зрелости (табл. 4).

Таблица 4 – Критерии цифровой связанности стран СНГ

Уровень	Критерий цифровой связанности	Интерпретация
Первый уровень	Высокая цифровая связанность и наличие инфраструктурных проектов ИИ / HPC / eGov	Страна способна масштабировать ИИ-сервисы
Второй уровень	Хорошая цифровая база, но ограниченные вычислительные или отраслевые проекты	Есть потенциал для нишевого лидерства
Третий уровень	Низкая цифровая связанность, слабая публичная база данных или отсутствие крупных ИИ-инфраструктурных проектов	Ограниченная готовность к масштабированию ИИ

Источник: составлено автором.

Здесь особенно выделяются Россия и Казахстан: Россия развивает суперкомпьютерную и высокопроизводительную вычислительную повестку, Казахстан имеет официальный проект суперкомпьютерного кластера и цифровую платформу eGov. Армения также может быть отнесена к нишевым лидерам за счет облачных и HPC-инициатив, хотя по масштабу экономики она не является системным флагманом.

4. Наличие официальных стратегий, концепций, дорожных карт, государственных программ и измеримых целевых ориентиров (табл. 5).

Таблица 5 – Критерии цифровой связанности стран СНГ

Уровень	Критерий стратегической зрелости	Интерпретация
Первый уровень	Есть отдельная стратегия / концепция ИИ и измеримые цели или инфраструктурные программы	Страна ведет системную ИИ-политику
Второй уровень	Есть отдельные стратегии, программы или инфраструктурные инициативы, но меньше масштаб или слабее комплексность	Страна может быть специализированным флагманом

Уровень	Критерий стратегической зрелости	Интерпретация
Третий уровень	Стратегия отсутствует, не подтверждена или носит фрагментарный характер	Страна пока не готова к роли лидера

Источник: составлено автором.

По этому блоку особенно сильны Россия, Казахстан, Узбекистан и Азербайджан. Узбекистан выделяется тем, что его стратегия до 2030 г. содержит измеримые цели: объем ИИ-продуктов и услуг, долю ИИ-услуг на портале госуслуг, лаборатории и HPC-серверы. Казахстан имеет утвержденную Концепцию развития ИИ на 2024–2029 гг. Россия имеет национальную стратегию и федеральный проект ИИ в составе нацпроекта «Экономика данных». Азербайджан утвердил стратегию ИИ на 2025–2028 гг.

5. Оценка интеграционной функции страны в СНГ – выявление стран-флагманов ИИ-развития СНГ целесообразно проводить не по одному рейтингу, а по комбинированному алгоритму, включающему институциональную ИИ-готовность, экономический масштаб, цифровую связанность, наличие стратегий и интеграционную функцию страны. Такой подход позволяет избежать двух ошибок: во-первых, не сводить лидерство к размеру экономики; во-вторых, не считать формальную стратегию ИИ достаточным доказательством реальной готовности (табл. 6).

Таблица 6 – Итоговая таблица критериев распределения стран СНГ по уровням

Уровень лидерства	Критерии включения	Тип стран	Интерпретация для СНГ
Первый уровень: системные флагманы	Высокий или сравнительно высокий Government AI Readiness Index; крупная экономическая база; наличие ИИ-стратегии или концепции; инфраструктурные проекты; способность влиять на региональную связанность	Россия, Казахстан, Узбекистан	Ядро ИИ-интеграции СНГ
Второй уровень: специализированные флагманы	Средняя ИИ-готовность; отдельные сильные ниши; наличие стратегии или цифровой программы; ограниченный масштаб по сравнению с лидерами	Армения, Азербайджан, Беларусь	Нишевые центры: облако, энергетика, промышленный ИИ, инженерные сервисы
Третий уровень: перспективные участники	Низкая или умеренная ИИ-готовность; малая экономическая база; фрагментарные инициативы; недостаточность публичной доказательной базы	Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан	Страны, нуждающиеся в подключении к общему ИИ-контуру СНГ

Источник: составлено автором.

Отметим, что страны третьего уровня в текущих условиях в большей степени нуждаются в интеграционных механизмах доступа к вычислениям, кадрам, цифровым платформам и отраслевым решениям.

Обсуждение

Применение такого многокритериального алгоритма позволяет выделить три уровня стран. Первый уровень – системные флагманы: Россия, Казахстан и Узбекистан. Россия имеет крупнейший

экономический масштаб и наивысший среди рассматриваемых стран показатель Government AI Readiness Index 2024 – 64,72 балла; ее сильные компоненты – «Правительство» 72,15 и «Данные и инфраструктура» 76,62 (табл. 1). Казахстан получил 51,41 балла и выделяется транспортно-логистической функцией, eGov-платформой, национальной концепцией ИИ на 2024–2029 гг. и суперкомпьютерной инициативой. Узбекистан получил 53,45 балла и обладает одной из наиболее конкретизированных стратегий ИИ до 2030 г., включая цели по рынку ИИ-услуг, госуслугам и лабораториям.

Второй уровень – специализированные флагманы: Армения, Азербайджан и Беларусь. Армения имеет меньший экономический масштаб, но демонстрирует нишевый потенциал в облачных и HPC-инициативах, включая AI Virtual Institute и инвестиции в ИИ-вычисления . Азербайджан утвердил стратегию ИИ на 2025-2028 гг. и может развивать энергетико-цифровую специализацию с учетом роли страны как энергетического узла . Беларусь обладает промышленно-инженерной базой и ориентиром на массовое использование ИИ, больших данных и цифровых двойников организациями .

Третий уровень – перспективные участники: Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан. Таджикистан имеет отдельные ИИ-инициативы и центр Darya AI , но его экономический масштаб и индексная готовность пока ограничены. По Кыргызстану и Туркменистану не подтверждается наличие сопоставимой публичной ИИ-стратегии и крупной национальной ИИ-инфраструктуры уровня лидеров.

Однако, полученные результаты требуют осторожной интерпретации. ИИ можно рассматривать как один из ключевых технологических факторов региональной глобализации СНГ, но не как автономный механизм формирования экономической мощи; ИИ способен усилить экономическую субъектность региона при наличии энергетической, вычислительной, транспортно-логистической, кадровой и нормативной базы.

Практический смысл трехуровневой классификации состоит в том, что она не сводит регион к оппозиции «три лидера – остальные». Армения, Азербайджан и Беларусь обладают специализированными преимуществами и могут усиливать ядро в облачных, энергетико-цифровых, промышленных и инженерных нишах. Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан, напротив, нуждаются прежде всего в механизмах подключения к общим ресурсам: вычислениям, образовательным программам, цифровым платформам и типовым отраслевым решениям.

Ключевое ограничение исследования состоит в отсутствии официальной статистики, позволяющей количественно выделить прямой вклад ИИ в прирост ВВП СНГ или в международно-политический вес Содружества. Во многих случаях наблюдается совокупный эффект цифровизации, автоматизации и организационных реформ, а вклад именно ИИ не изолирован. Поэтому в статье доказывается не уже состоявшийся макроэкономический результат, а каналы влияния и институциональные предпосылки, подтвержденные международными моделями, экспериментальными исследованиями и официальными секторальными кейсами.

Для перехода от потенциала к интеграционному эффекту СНГ необходимы совместимые данные, межгосударственные стандартизированные программные интерфейсы обмена данными между государственными информационными системами стран СНГ, доверенные цифровые идентификаторы, согласованные правила применения ИИ в таможне, транспорте, здравоохранении и АПК, а также доступ стран второго и третьего уровня к вычислительным мощностям и образовательным программам стран-лидеров. Без этих условий ИИ может усилить внутрирегиональную асимметрию; при их наличии он способен стать инструментом технологической консолидации.

Заключение

ИИ трансформирует мировую экономику через рост производительности, расширение цифровых услуг, снижение торговых издержек и перераспределение добавленной стоимости в пользу

стран, контролирующих данные, вычисления и прикладные модели. Для СНГ он имеет системное значение, поскольку может одновременно модернизировать базовые отрасли, снижать издержки интеграции, усиливать цифровой суверенитет и формировать инфраструктуру региональной связанности.

СНГ может претендовать на роль более самостоятельного экономического центра не как однородное пространство, а как иерархически организованный макрорегион. Его ядро образуют Россия, Казахстан и Узбекистан: Россия выполняет функцию вычислительного и институционального центра; Казахстан – транспортно-логистического и инфраструктурного узла; Узбекистан – демографического и сервисно-платформенного драйвера. Армения, Азербайджан и Беларусь усиливают ядро через специализированные ниши, тогда как Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан нуждаются в механизмах подключения к общим ресурсам.

Таким образом, ИИ корректно рассматривать как ключевой технологический фактор усиления экономической мощности СНГ в условиях полицентризма. Однако его эффект возможен только в составе более широкой стратегии, включающей энергетику, дата-центры, суперкомпьютеры, кадры, нормативную совместимость, доверенный обмен данными и интеграционные финансовые механизмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишневский В. П., Гурнак А. В. Налоговое стимулирование технологического суверенитета в условиях геоэкономической фрагментации // Terra Economicus. 2026. Т. 24, № 1. С. 53–70. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2026-24-1-53-70

2. Глебова А. Г., Табачинский Г. И. Эволюция международных санкций и их последствия для Российской Федерации в контексте международных экономических отношений // Мировая экономика и мировые финансы. 2025. Т. 4, № 1. С. 31–39. https://doi.org/10.24412/2949-6454-2025-0040

3. Медведев И. В. Современные тренды цифровой трансформации и развития электронной коммерции в странах СНГ-ЕАЭС-ШОС // Теоретическая экономика. 2025. № 10. С. 150–165. https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-10-150-165

4. Перская В. В. Развитие экономической глобализации в условиях полицентризма // Вопросы истории. 2023. № 6-2. С. 4–23. https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202306Statyi63

5. Перская В. В. Трансформирование экономической глобализации в условиях развития мирового сообщества по пути многополярности // Экономические стратегии. 2023. № 6. С. 30–39. https://doi.org/10.33917/es-6.192.2023.30-39

6. Перская В. В., Морковкин Д. Е., Чупин А. Л., Мамедов Т. Н., Зверева А. Д. Трансформация региональных торговых соглашений в условиях перехода к полицентризму // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 1. С. 126–141. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-1-126-141

7. Райхлина А. В. Концепция технологического лидерства и научно-технологическая политика региона в цифровой экономике // Теоретическая экономика. 2026. № 1. С. 77–91. https://doi.org/10.52957/2221-3260-2026-1-77-91

8. Сапир Е. В. Эффекты региональной интеграции: методологические подходы к содержанию и измерению / Е. В. Сапир, А. Д. Васильченко // Экономика: теория и практика. 2020. № 4(60). С. 3-9. ISSN 2224-042X. EDN JZNGPL

9. Acemoglu D. The Simple Macroeconomics of AI // Economic Policy. 2025. Vol. 40, No. 121. P. 13–58. https://doi.org/10.1093/epolic/eiae042

10. Brynjolfsson E., Hui X., Liu M. Does Machine Translation Affect International Trade? Evidence from a Large Digital Platform // Management Science. 2019. Vol. 65, No. 12. P. 5449–5460. https://doi.org/10.1287/mnsc.2019.3388

11. Brynjolfsson E., Li D., Raymond L. R. Generative AI at Work // The Quarterly Journal of Economics. 2025. Vol. 140, No. 2. P. 889–942. https://doi.org/10.1093/qje/qjae044

12. Campos-Medina F., Korneeva E., Krayneva R., Gorina L. Rules of the Digital Game: How Institutions Shape Ecosystem Development // Terra Economicus. 2025. Vol. 23, No. 3. P. 131–144. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2025-23-3-131-144

13. Cui K. Z., Demirer M., Jaffe S., Musolff L., Peng S., Salz T. The Effects of Generative AI on High-Skilled Work: Evidence from Three Field Experiments with Software Developers // Management Science. 2026. https://doi.org/10.1287/mnsc.2025.00535

14. Digital Progress and Trends Report 2025: Strengthening AI Foundations [Электронный ресурс] / World Bank. Washington, D.C. : World Bank, 2025. (Digital Progress and Trends Report). ISBN 978-1-4648-2264-3. https://doi.org/10.1596/978-1-4648-2264-3

15. Energy and AI [Электронный ресурс] : World Energy Outlook Special Report / International Energy Agency ; lead authors: Thomas Spencer, Siddharth Singh. Paris : IEA, 2025. ISBN 978-92-64-63565-2. URL: https://www.iea.org/reports/energy-and-ai

16. Goldfarb A., Trefler D. AI and International Trade: NBER Working Paper No. 24254. 2018. https://doi.org/10.3386/w24254

17. Government AI Readiness Index 2024 [Электронный ресурс] / Oxford Insights; authors: Pablo Fuentes Nettel [et al.], 2024. URL: https://oxfordinsights.com/wp-content/uploads/2024/12/2024-

Government-AI-Readiness-Index-2.pdf

18. Jones E. Digital Disruption: Artificial Intelligence and International Trade Policy // Oxford Review of Economic Policy. 2023. Vol. 39, No. 1. P. 70–84. https://doi.org/10.1093/oxrep/grac049

19. Noy S., Zhang W. Experimental Evidence on the Productivity Effects of Generative Artificial Intelligence // Science. 2023. Vol. 381, No. 6654. P. 187–192. https://doi.org/10.1126/science.adh2586

20. Pomerlyan E., Belitski M. Regional integration and economic performance: evidence from the Eurasian Economic Union // Eurasian Geography and Economics. 2024. Vol. 65, No. 5. P. 627–655. https://doi.org/10.1080/15387216.2022.2163414

21. State of digital development and trends in the CIS region: Challenges and opportunities [Электронный ресурс] / International Telecommunication Union. Geneva : ITU, 2025. (Measuring digital development). ISBN 978-92-61-40521-2. Handle: http://handle.itu.int/11.1002/pub/825e1f83-en. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/ind/D-IND-SDDT_CIS-2025-PDF-E.pdf

22. Veselovsky, M. Ya. Innovative transformation of the Russian industry in the framework of digital technologies / M. Ya. Veselovsky, Yu. V. Gnezdova, A. G. Glebova [et al.] // Espacios. 2018. Vol. 39, No. 41. P. 35. ISSN 0798-1015. EDN YMCKPH

23. World Economic Outlook – Steady but Slow: Resilience amid Divergence [Текст] / International Monetary Fund. Washington, DC : International Monetary Fund, 2024. (World economic and financial surveys). ISBN 979-8-40025-589-2. https://doi.org/10.5089/9798400255892.081

24. World Trade Report 2025: How trade and AI can contribute to inclusive growth [Электронный ресурс] / World Trade Organization. Geneva : WTO, 2025. ISBN 9789287074560. https://doi.org/10.30875/9789287074560

Artificial Intelligence as a Driver of Regional Globalization of the CIS under Conditions of Polycentrism

Glebova Anna Gennadyevna
Doctor of Economic Sciences, Professor
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: nauka_rf@mail.ru

KEYWORDS

artificial intelligence, CIS, regional globalization, polycentrism, digital sovereignty, economic integration, technological infrastructure

ABSTRACT

The purpose of the study is to identify the mechanisms through which artificial intelligence (AI) influences regional globalization processes in the CIS and to substantiate the potential of individual countries of the region to act as flagships in the formation of a macro-regional AI contour. The study proceeds from the hypothesis that AI can strengthen the economic subjectivity of the Commonwealth not by itself, but only if supported by an energy, computing, transport and logistics, human-capital and regulatory base. The empirical basis of the research includes data from the IMF, UNCTAD, the WTO, the World Bank, the International Telecommunication Union, the International Energy Agency, the Government AI Readiness Index 2024, as well as official strategies, concepts and regulatory documents of the countries of the region. The methodological framework combines comparative, systemic and institutional analysis, analytical grouping of countries, and the comparison of quantitative and qualitative indicators of AI readiness. The article shows that the impact of AI on regional globalization is realized through productivity growth, the reduction of transaction and trade costs, the development of digital services, changes in the structure of value added, and the formation of new infrastructural dependencies, primarily in the fields of data, computing and energy supply. Priority areas for AI implementation in the CIS are identified: public administration, transport and logistics, industry, the agro-industrial complex, healthcare, education and energy. A three-level classification of CIS countries according to their AI leadership potential is proposed: systemic flagships – Russia, Kazakhstan and Uzbekistan; specialized flagships – Armenia, Azerbaijan and Belarus; prospective participants – Tajikistan, Kyrgyzstan and Turkmenistan. It is concluded that the formation of a sovereign macro-regional AI contour is possible not through fragmented national projects, but through compatible infrastructure for data, computing, human-capital development and regulation.